

Посмыш Зофья

МОСГОРСПРАВКА

ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗок

К-9, ул. Горького, д. 5/6.

Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

г. Москва

от 12 2 ИЮЛ 1966
Газета №

для них еще до рассвета с апельсинами, — днем все долбили и долбили мотыгами высушенную, словно камень, землю по восемнадцать часов подряд. Когда кому-то из их барака

Оглянулась: нет, лицо другое, но от голоса освободиться уже не могла. Вернувшись в Варшаву, сразу же взялась за перо — так на свет явилась повесть «Пассажирка».

По повести была поставлена радиопьеса, а потом Анджей Мунк стал снимать фильм. В разгар работы над картиной знаменитый режиссер погиб в автокатастрофе. Но мир все же увидел «Пассажирку» на экране, причем именно незавершенную ленту — случай в истории кино беспрецедентный. Конечно, можно было бы доснять недостающие кадры, но Зофья Посмыш и ее друзья, отдавая дань любви покойному, решили не вмешиваться в его работу. Только дополнили снятый материал фотографиями.

А повесть перевели на восемнадцать языков. Ее играли на многих сценах мира, в том числе и в ленинградском Театре имени Ленсовета. Поставили в нашей стране по «Пассажирке» и оперу. Потом Зофья Посмыш написала еще несколько книг, проклиная фашизм, — вот и спешат от читателей из разных стран в Варшаву, на улицу Шиллера, благодарные письма, и ни одно из них, кстати, не остается без ответа. Долго разыскивала пани Зофья Нину Ховрину, которая когда-то, расставаясь, шепнула подружке: «Сонечка, ты запомни мой ялтинский адрес...» — и нашла все-таки, в Саратове.

Приехала Нина в Варшаву и вспомнила, как рисовала когда-то Зосе русские буквы, и снова пели они: «Тучи над городом встали...» и плакали... Потом, уже в Освенциме, пришли вместе к бараку № 11 — «блоку смерти» и к «стене смерти» пришли — кажется, что кровь из этой стены сочилась еще и сегодня. Замерли, преклонив колени, зажгли свечи, положили цветы... Цветы тут всюду — и у печи крематория, и возле тех детских башмачков, и там, где на виду у всего лагеря стал скорбный памятник жертвам гитлеровских извергов, где в суровый камень на всех языках врезано вечно проклятье фашизму...

ПОСЛЕ ЭТОГО дня я часто встречалась с пани Зофьей — опять играли в пинг-понг, обсуждали книги, фильмы, гуляли над Балатоном... Но всякий раз в одно и то же время моя собеседница непременно прерывала беседу и спешила к письменному столу — там ее ждала незаконченная рукопись.

Лев СИДОРОВСКИЙ
БАЛАТОНСКИЯК —
ЛЕНИНГРАД

ЧЕЛОВЕК № 7566 2207

Давно закончилась вторая мировая война, но в памяти народов до сих пор живы эти страшные огненные годы. И не слабеет читательский интерес к произведениям на военную тему, как написанным по свежим следам событий, так и осмыслившим пережитое исходя из опыта мирных лет.

В Советском Союзе и во многих других странах хорошо известна страстная антифашистская повесть Зофьи Посмыш «Пассажирка». Сегодня, в день национального праздника польского народа, мы публикуем рассказ ленинградского журналиста о встрече с писательницей.

ПРОГУЛИВАЯСЬ вдоль берега Балатона, я вдруг услышал: — Не откажет ли пан в любезности сыграть партию в пинг-понг?

Она стояла около просторного зеленого стола и, улыбаясь, уже протягивала ракетку.

Заняв бровную позицию, я скоро понял, что никаких шансов на победу не имею: моя партнерша играла изящно, азартно — казалось, что белый шарик привязан к ее ракетке какой-то невидимой ниточкой... Перед тем как начать вторую партию, скинула куртку — и вдруг на ее руке чуть ниже локтя открылся вытатуированный номер: 7566. Перехватив мой взгляд, пояснила:

— Это память об Освенциме. Давайте знакомиться: Зофья Посмыш.

— Посмыш? Автор «Пассажирки»?!

— Та самая...

ЕЕ ПОРЯДКОВЫЙ номер для Освенцима совсем невелик: Зося попала сюда уже с третьим эшелонном.

А до этого был у девочки добрый дом на окраине Кракова, балетная школа, чуть сентиментальные стихи, которые сложила однажды, когда пришла пора возвращаться с дачи: «На маленькой горной станции, в облаках синих туманов, среди сонных акаций, словно росу, роняю слезы...» Здесь, в бараке, она тоже теперь нашептывала за строкой строку, но это уже были совсем другие стихи: «Смотрю за колючую проволоку — туда, где ветер шевелит ветви деревьев...», а еще — про то, что нет над лагерем жаворонков, потому что дым от печей гонит их отсюда... Это — ночью. А днем, который, впрочем, начинался

удалось бежать, всех отправили в штрафную команду — и скоро из четырехсот женщин в живых остались сто сорок три...

...Пани Зофья продолжала нелегкий свой рассказ, и я будто снова увидел все, что потрясает в нынешнем, «музейном» Освенциме, сохраненном для поколений: гора — детские башмачки, гора — протезы, гора — чемоданы с адресами всей Европы, гора — оправы для очков, гора — кисточки для бритвы, гора — детские горшочки... И мягкие женские волосы — русые, каштановые, золотые — тоже гора... И за всем этим — миллионы жизней. Четыре миллиона человек, население огромного города, отправленное в «циклоном Б», сожженное в печах и кострах одного лишь Освенцима...

Здесь Зося встретила Нину Ховрину. Подруги по несчастью, как могли, поддерживали друг друга, и Нина, вспоминая городок у Черного моря, грустно напевала: «Ялта, где растет золотой виноград, Ялта, где цикады ночами звенят...» Вот с этого забытого теперь танго да с песни «Тучи над городом встали...», которую Нина тоже очень любила, и начала Зося изучать русский язык...

ПРОЙДУТ ГОДЫ. Чудом спасаясь от гибели узница Освенцима Зофья Посмыш станет радиорепортером. Однажды она окажется с редакционным заданием в Париже и там, на площади Согласия, встретится с группой туристов из Западной Германии. И вдруг одна фраза, произнесенная громко по-немецки, заставит Зофью вздрогнуть: «Боже, тот же самый острый голос, что был у надзирательницы Анны Лизы Франц!..»